

ные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 9.

¹⁶ Пименова Л.А. О некоторых спорных вопросах // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 95.

¹⁷ Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. М., 2005. С. 177.

¹⁸ См., например: Гуревич А.Я. «Феодалное Средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Одиссей. Человек

в истории. 2002. М., 2002; Дубровский И.В. Как я понимаю феодализм? // Конструирование социального. Европа V–XVI вв. М., 2001; Феодализм перед судом историков // Одиссей. Человек в истории. 2006. М., 2006; Феодализм: понятие и реалии. Материалы «круглого стола». М., 2008.

¹⁹ Уваров П.Ю. «Роскошь феодализма» // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 810.

Война как авантюрное путешествие*

Составители и авторы тематического выпуска «Французского ежегодника» предлагают посмотреть на событие, подчеркнуто нейтрально представленное на обложке издания простым сочетанием цифр «1812», не только с точки зрения традиционных сюжетов истории этой войны и межгосударственных отношений эпохи¹; но и *сквозь* взаимные представления воевавших наций. В связи с тем, что вплоть до 1914–1918 гг. «ни одно другое поколение не путешествовало так далеко, как поколение 1790–1800 гг., участвовавшее в войнах в Европе и за ее пределами», характерным персонажем коллективного исторического повествования, кочующим из статьи в статью, стал «солдат-путешественник» (А. Форрест)². В отличие от элитарных Гранд Туров, «под знаменами наполеоновской армии десятки тысяч представителей “низов” впервые смогли побывать в таких удаленных от их постоянного проживания местах, как Египет и Россия» (Н.В. Промыслов)³. Если «наполеоновские походы превращали их участников в своего рода путешественников» (М.В. Губина)⁴, то вариацией этого необычайно распространившегося тогда амплуа были «странники поневоле» (М.-П. Рей)⁵ – пленные французы в России, чьи маршруты существенно отклонились от движения основной массы солдат Великой армии.

В отечественной историографии, интересовавшейся Заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. в плане

формирования мировоззрения декабристов, долго превалировал слишком прямолинейный взгляд на образовательное значение непосредственного знакомства с другими странами, восходящий к просветительской концепции путешествия. Конечно, как пишет А. Форрест, «путешествие может воспитать и научить ценить чужую цивилизацию». «Но мало кто отправляется в путь, – размышляет он далее, – без предположений и предрассудков в отношении чужой культуры. И очень часто путешествия военных лишь подтверждают предположения, порожденные обрывочными сведениями, юношеским чтением или навеянные эпинальской (популярной. – С.С.) картинкой, увиденной однажды у бродячего торговца, проходившего через деревню»⁶.

Приводимые в книге цитаты из записок французских солдат о Русской кампании подтверждают этот принципиальный вывод. Повествуя об отступлении Великой армии из России, сержант Бургонь рассказывал, что его ночным скитаниям в окрестностях *Березины* счастливо сопутствовало *северное сияние* (!), а под Смоленском его боевые товарищи поймали и тут же съели *белого* медведя – «*un ours blanc*», как даже шел необходимым подтвердить цитатой из оригинала эти яркие сообщения очевидца пересказавший их современный исследователь⁷. Но то, что может вызвать недоумение и даже сомнение в достоверности передачи написанного мемуаристом у российского читателя,

* Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. 478 с.

вряд ли было способно посеять недоверие в головах большинства тех, кому сержант Бургонь адресовал свои воспоминания. Ведь и по сообщению человека, вероятно, более просвещенного – врача французской Императорской гвардии де Ла Флиза, тоже бывавшего под Смоленском, этот город близок к Северному полюсу!⁸ Скорее всего, верно предположение, что подобные географические гиперболы рождались и под влиянием холодов, «от которых Великая армия сильно страдала на втором этапе кампании»⁹. Однако, как выясняется далее, «координаты ментальной географии французов той эпохи» связывали Россию не только с Севером, но и с Востоком¹⁰. И в этом направлении французские солдаты, случалось, допускали серьезные преувеличения. Им, например, иногда казалось, что, взяв Москву, они пойдут в Монголию и Китай, где будто бы находятся владения главного врага французского императора – британской короны. Не стоит удивляться этому легкомыслию хотя бы потому, что и в уже захваченных французами русских городах они порой обнаруживали «китайцев», «китайнок», «монголоков» и «индианок», целые «азиатские части», в Москве даже «ville chinoise» (Китай-город?)! А по утверждению наполеоновского сержанта, видевшего над Березиной северное сияние и ставшего у себя на родине популярным мемуаристом, когда армия начала уходить из Москвы к Калуге, то сразу же оказалась в Азии!¹¹

Если во Франции эпохи Революции и Империи Восток, толкуемый весьма расширительно, «ассоциировался с бедностью и недостатком культуры»¹², то роль там французской армии со времен египетской экспедиции Бонапарта – с цивилизующей миссией и благодарностью местного населения¹³. В то же время наивные представления солдат Великой армии в 1812 г. о близости Азии, достижимости ее крайних пределов и наиболее уязвимых мест европейских врагов Империи были не так уж далеки от дерзко-авантюрных планов их предводителя, подстрекавшего в свое время русского императора Павла совершить совместный поход в Индию.

Просвещенческий универсализм вместе с уверенностью в цивилизационном превосходстве Франции¹⁴ был взят на

вооружение Наполеоном и оказывался до известной поры *результативным*, с точки зрения как военно-политических планов самого императора, так и *долгосрочных интересов* покоряемых или теснимых им стран. Они порой особенно активно перенимали французский опыт именно потому, что он был пригоден для более успешной борьбы с Францией. Но это происходило главным образом только в пределах части Европы. А все то, что из Парижа и окрестных земель виделось как «Восток», было исключительно непокорным и слабо (или вовсе не-) восприимчивым: в Египте, Испании и России Бонапарт терпел военные неудачи, усугубляемые гораздо более мощным культурным отторжением. Да и самих солдат наполеоновской армии, как видно из их записок, «в краях, простирающихся за Польшей, поражает именно отличие от всего привычного»¹⁵.

В России французы столкнулись, по выражению М.В. Губиной, с ««изоляционистской» политикой русских», которая «свела практически к нулю возможности контакта с местным населением», покидавшим свои дома при приближении неприятеля¹⁶. После вторжения Великой армии простой народ, крестьяне, к «нескрываемому изумлению» просвещенной части русского общества, «готовились защищать Отечество – писал один современник, – от нахлынувших врагов-басурман, нехристей, как они сами перетолковывали, хотя им иначе объясняли»¹⁷. Все-таки *объясняли* им, видимо, по-разному: если учесть влияние на народ приходских священников, то в глазах Православной Церкви французы были «безбожниками», а их император, как и в Испании периода Войны за независимость¹⁸, сближался с Антихристом¹⁹.

Задавшись вопросами, «с кем воевал русский мужик в 1812 г.» и какой смысл он вкладывал в понятие «французы» с учетом того, что «ровно половину» Великой армии составляли представители других национальностей, А.В. Чудинов обратился к анализу стереотипов массового сознания на материалах народного фольклора²⁰. Результаты исследования показали, что «в коллективных представлениях “безмолвного большинства” вторгшиеся в Россию французы оказались в одном ряду с врага-

ми-иноверцами, которые ранее приходили войной на Русь и образ которых глубоко отпечатался в исторической памяти народа»²¹. Определяющими чертами этого практически не изменившегося к 1812 г. синкретичного образа врага были, прежде всего, «враждебность христианству, хищническая сущность, бесчеловечность» и отсутствие «сколько-нибудь четко обозначенной этнической идентичности»²². Наполеоновское нашествие отразилось в фольклоре «как хорошо забытое старое»²³.

Кульминация русско-французского взаимного отчуждения, охватившего в России уже не только простой народ, но и образованные слои, пришлось на Московский пожар, который вызвал с обеих сторон сходные обвинения. Если французы были убеждены, что спалившие свою древнюю столицу русские – «настоящие варвары»²⁴, то среди русских вплоть до окончания войны с Наполеоном «все до единого мыслили и говорили, что ее сожгли французы», что именно они – «варвары», творившие «библейские ужасы»²⁵.

Между образом врага, складывавшимся во время войны, и его реальным лицом всегда существует зазор, преодолением которого и должна заниматься историография, если она не хочет отождествиться с мифотворчеством. Юбилейные торжества оказывают двоякое влияние на исторические исследования, стимулируя их и вместе с тем побуждая историков подстраиваться под так называемый «общий настрой», склонный порой к реанимации давних стереотипов. Некоторые коррективы в них вносит С.Н. Искюль в обширной статье, посвященной пребыванию Великой армии в Москве. Опираясь на свидетельства тех духовных и светских лиц, которые питались не только слухами, но в период французской оккупации находились непосредственно в старой столице, он делает вывод, что оставленные духовенством храмы, «естественно, становились пристанищем бездомных погорельцев, неизбежно привлекая внимание злоумышленников». Когда же в церкви находились священнослужители, «никаких препятствий к совершению богослужения не было, такие церкви реже подвергались грабежу и уж во всяком слу-

чае не превращались в конюшни»²⁶. Что касается последнего обвинения, то, как утверждает данный исследователь, «весьма немногочисленные свидетельства» об этом, дошедшие до наших дней, «не выдерживают никакой критики»²⁷. Демонстрируя разномыслие относительно степени распространенности подобных действий французской кавалерии²⁸, авторы «Французского ежегодника», по крайней мере, пытаются дать им объяснение, не связанное с приписываемой наполеоновским солдатам *воинствующей антирелигиозностью*²⁹.

Все эти поправки и уточнения имеют не частный характер, а касаются принципиального вопроса о характере той войны, которую вела Россия в 1812 г. Аргументы в пользу ее религиозной природы черпаются их современными сторонниками не в «демонической» природе французской революции и порожденных ею режимов Консульства и Империи, а в принятых представлениях о реальных деяниях Бонапарта и в особенности его солдат на захваченной ими территории России. В то же время апеллируя, как можно понять, именно к «демифологизируемым» французам, имея в виду конфессиональный состав Великой армии и планы Наполеона вести с Россией «войну политическую»³⁰, А.В. Чудинов утверждает, что восприятие борьбы против Франции как религиозного конфликта «не имело под собой никаких объективных оснований и определялось исключительно архетипическими образами, укорененными в глубинах коллективной памяти»³¹.

Проблема, на мой взгляд, заключается в том, что *мифическое* в истории существует в неразрывной связи с тем, что *«было на самом деле»*. Стремясь отделить одно от другого, прибегая к критике источников, историк выполняет свой профессиональный долг. Но при этом он рискует подменить собственным взглядом на войну и международную ситуацию *представления* о них, бытовавшие в головах участников изучаемых событий. Идеи, заблуждения, носившие массовый характер, не раз становились вполне реальной, даже роковой силой в истории. И 1812 год продемонстрировал это очень убедительно на примере обеих противоборствовавших сторон.

Легкомысленная «ментальная география» французов обернулась для них не только военным поражением, но и гуманитарной катастрофой Великой армии. Ничего не ведавшие о загранице обитатели русской деревни, «впервые за двести лет столкнувшись с опытом неприятельского нашествия», легко вообразили (не без помощи со стороны светских и духовных властей, конечно), что имеют дело с былинными «нехристями». И как бы те ни *открещивались* от подобных уподоблений, им пришлось испытать на себе все их действительные последствия. «Русские мужики, – пишет А.В. Чудинов, – подняли не просто... “дубину народной войны”..., они подняли ее для ведения войны *религиозной*, со всем присущим той истребительным, тотальным характером». И для передачи этого народного взгляда на войну 1812 г. он вспоминает строки знаменитой песни периода Великой Отечественной: «Идет война народная, // Священная война!»³². Как поясняет Т. Ленц в статье, посвященной воспоминаниям о 1812 годе в 1941–1945 гг., именно тогда для коммунистической власти «настал момент вынести большевистскую революцию за скобки и воззвать к исторической памяти народа»³³. Но прямые экстраполяции опыта более поздней войны на более раннюю под пером современного историка все-таки отдают презентизмом, который начиная со второй половины 1941 г. заметно влиял на отечественную историографию войны 1812 г.

Как показывают некоторые новейшие публикации источников личного происхождения, относящихся к 1941–1945 гг., в отличие от советской историографии, «мобилизованной» на войну против Гитлера, отечественная *мысль*, пусть и рассеянная по отдельным углам России, и загнанная в узкий кружок, жила *своей* жизнью. Сразу после начала советского контрнаступления под Москвой М.М. Пришвин записал в дневнике: «Мы много говорили о готовности русских к послушанию за стакан вина (какое – стакан, за папиросу). Этому “все равно: отступать, так отступать, гнать, так гнать”. И главное, жить на минимуме. Все сводится к тому, что, пожалуй, вот *это* (чего Гитлер не учел) может и победить... В этом свете настоящего

все слова о русском патриотизме: Война и мир, Максим Максимович, Некрасов и все, все являются слабыми попытками облагородить, осмыслить и назвать добрым именем ту силу множества, готовую подчиниться всякой силе – доброй и злой» (7 декабря 1941 г.)³⁴.

Можно по-разному оценивать эти дневниковые, интимные записи, но нельзя отказать им в интеллектуальной смелости, независимости оценок. До сих пор историкам, обращающимся к патриотическим войнам, не всегда легко выйти за рамки сопровождавшего бои *красноречия* и разобратся, какова была роль в народном поведении и восприятии событий таких факторов, как склонность к послушанию или сопротивлению, архетипы коллективной памяти, официальная (светская и церковная) пропаганда, наконец, реальный опыт соприкосновения с неприятелем.

В 1812 г. на территории коренной России этот опыт оказался для французов во многом обескураживающим. Предопределенное религиозным восприятием войны, как и фактами грабежа, насилия, мародерства со стороны наполеоновских солдат, «остервенение народа» (Пушкин) становилось для тех из них, кто попадал в руки русских крестьян *страшной реальностью*, заставлявшей «просвещенных современников, – как пишет современный исследователь, – вспоминать о самых мрачных страницах средневековой истории»³⁵. Но даже это не помешало маршалу Л. Гувьону Сен-Сиру спустя годы после завершения похода в Россию видеть в русских крестьянах не только непримиримых врагов, какими они и были в своей массе для французских солдат, но и невооруженных *союзников*: «они причинили нам столько вреда, сколько могли бы принести нам пользы, если бы Наполеон помог им освободиться от крепостной зависимости»³⁶. Дважды повторенное в этом высказывании «*нам*» (французам) в сравнении с единожды употребленным «*им*», конечно, только подчеркивает очевидные приоритеты мемуариста. Нельзя, однако, не заметить в размышлениях прагматичного военного человека, цитируемых А.И. Поповым, и другой *неистребимый* мотив: *признание* за русским народом на-

клонности к тем же гражданским ценностям, что были приняты у французов.

Межкультурная коммуникация, затрудненная в ходе войны, наиболее интенсивно на «обывательском» уровне стала происходить в тылу, куда попадали пленные наполеоновские солдаты. Любопытное свидетельство на эту тему приводит М.-П. Рей. Его оставил военный врач Д. Фюзель, прошедший по России пешком дорогами плена 4 тыс. км! Даже в глубинке, население которой не знало тягот войны, на подходе к Казани, он фиксирует в дневнике ненависть, которая вспыхивает в народе при появлении пленных французов, «неутихающую злобу со стороны священников», с сожалением признавая действенность их агитации: «Обыватель определенно верил в то, что мы безбожники». Но как только пленные французы «находили возможность», по словам Фюзеля, обратиться с местными жителями, «эти доверчивые люди легко убеждались в обратном». «Как, – удивлялись они, – у вас во Франции есть церкви, вы крестные, вы празднуете Пасху и Троицу?»³⁷.

Несмотря на ожесточение против французов в России, гораздо слабее затронувшее верхи общества, само русское правительство, не дожидаясь окончания военной борьбы с Наполеоном, предложило пленным ряд льгот для того, чтобы использовать их трудовые ресурсы в стране с подорванной экономикой, задержать (не прибегая к насилию) и даже натурализовать этих вчерашних «безбожников», дав им, в частности, возможность свободно совершать религиозные отправления и не опасаясь их тлетворного влияния на других жителей империи. И тяжести плена, в котором оказались наполеоновские солдаты, не помешали, судя по данным, на которые ссылается М.-П. Рей, четверти из них уже в августе 1814 г. изъявить желание стать подданными Российской империи! Большинство, что вполне естественно, подало на временное подданство. Но спустя четверть века после Отечественной войны только в Москве проживало 1 500 ветеранов наполеоновской армии³⁸.

Предпринятое ими в 1812 году авантюрное путешествие завершилось в России. В сравнении с судьбами многих тысяч погибших это был, конечно, бла-

гополучный конец. *Оседлое* проживание этих «осколышей наполеоновской армии» (В.И. Даль) или «обломков великой эпохи» (П.Д. Боборыкин) в нашем отечестве составляет любопытный исторический сюжет, тоже заслуживающий анализа в плане межкультурного диалога. Только в условиях мира и постоянного общения обезличенный образ врага приобретает выраженные человеческие черты со всеми присущими конкретным людям достоинствами и слабостями – знакомого ремесленника, кондитера, домашнего гувернера, надзирателя в пансионе, учителя гимназии или просто чудаковатого старика, захлеб рассказывающего о военных походах, – черты, эпизодически запечатленные в произведениях русской литературы, мемуарах или жизнеописаниях М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.И. Эрделя, Н.Н. Златовратского, П.Д. Боборыкина, П.И. Баргенева...

С.С. Секиринский,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ *Рогинский В.В.* Политика Наполеона на Севере Европы накануне войны 1812 года // Французский ежегодник (далее – ФЕ) 2012. С. 6–36; *Земцов В.Н.* Лористон в ставке Кутузова // Там же. С. 99–117; *Ивченко Я.Я.* М.И. Кутузов в отечественной историографии. Проблемы изучения биографии полководца // Там же. С. 174–190; и др.

² *Форрест А.* (Йорк) Достойный противник или порочный дикарь? Восприятие врага в эпоху Революции и Империи // Там же. С. 208.

³ *Промыслов Н.В.* Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. // Там же. С. 396.

⁴ *Губина М.В.* (Париж) Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1812) // Там же. С. 263.

⁵ *Рей М.-П.* (Париж) Россия и русские глазами пленных французов в 1812 г.: компаративное исследование // Там же. С. 382.

⁶ *Форрест А.* Указ. соч. С. 222.

⁷ *Промыслов Н.В.* Указ. соч. С. 399–400, 410.

⁸ Там же. С. 399.

⁹ Там же. С. 400.

¹⁰ С. 399.

¹¹ Там же. С. 400–402.

¹² *Форрест А.* Указ. соч. С. 222.

¹³ *Прусская Е.А.* Французская пресса в Египте о Мусульманском Востоке // Там же. С. 223–251.

¹⁴ *Форрест А.* Указ. соч. С. 211.

¹⁵ Там же. С. 221.

¹⁶ *Губина М.В.* Указ. соч. С. 260.

¹⁷ Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Там же. С. 362.

¹⁸ Медников И.Ю. Нашествие «Антихриста»: французы в зеркале войны за независимость в Испании // Там же. С. 295–313.

¹⁹ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007 (гл. III); она же. Ангел и демон: Александр и Наполеон в восприятии современников // Родина. 2012. № 6. С. 74–76.

²⁰ Чудинов А.В. Указ. соч. С. 336.

²¹ Там же. С. 362.

²² Там же. С. 352, 359.

²³ Там же. С. 355.

²⁴ Губина М.В. Указ. соч. С. 258.

²⁵ Искюль С.Н. Французы в Москве в 1812 г. // ФЕ 2012. С. 72, 90.

²⁶ Там же. С. 92.

²⁷ Там же. С. 93.

²⁸ Ср.: Искюль С.Н. Указ. соч. С. 93 и Чудинов А.В. Указ. соч. С. 359.

²⁹ Чудинов А.В. Указ. соч. С. 359–360.

³⁰ Попов А.И. Социальная политика Наполеона в России 1812 года // Там же. С. 134

³¹ Чудинов А.В. Указ. соч. С. 362.

³² Там же. С. 365.

³³ Ленц Т. (Париж). Воспоминания о 1812 году в Великую Отечественную войну // ФЕ 1812. С. 197.

³⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941. М., 2012. С. 717.

³⁵ Чудинов А.В. Указ. соч. С. 363.

³⁶ Попов А.И. Социальная политика Наполеона в России 1812 года // Там же. С. 135.

³⁷ Рей М.-П. Указ. соч. С. 379.

³⁸ Там же. С. 373–374.

А.И. Сапожников. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. 848 с., карты.

Книга А.И. Сапожникова, хотя она и посвящена участию в Отечественной войне отдельного рода войск, представляет собой монументальное полотно, освещающее в мельчайших подробностях ход кампании 1812 г., поскольку донские казаки находились тогда на всех театрах военных действий. Монография позволяет систематически проследить боевой путь донских казачьих полков в составе 1-й и 2-й Западных, а затем Главной армии, а также в действовавших на флангах французской армии отдельных корпусах и отрядах. При этом ни одна воевавшая часть не ускользнула от внимания автора, тщательно идентифицировавшего, какая из них проявила себя в том или ином бою. Самостоятельное научное значение имеет составленный А.И. Сапожниковым перечень донских казачьих полков и их командиров, принимавших участие в войне 1812 года (с. 758–816). Кроме того, им подробно анализируется взаимодействие казачьего генералитета, и прежде всего атамана М.И. Платова с высшими военачальниками русской армии, в том числе с П.И. Багратионом (с. 125–126, 139–140), М.Б. Барклаем де Толли (с. 108, 169–171, 224, 230–232), П.В. Чичаговым (с. 706–709), М.И. Кутузовым (с. 234, 292–293, 707–708), и с командованием отдельных

соединений, в частности, с командиром 3-го резервного кавалерийского корпуса гр. П.П. Паленом (с. 189) и начальником 1-й бригады 1-й кирасирской дивизии И.Е. Шевичем (с. 227–228). В каждом конкретном случае автор выявляет причины конфликтов, взаимных обид и интриг, пронизывавших отношения казачьей верхушки с командованием российских армий.

В своем исследовании автор опирается на обширную военно-историческую литературу (как отечественную, так и зарубежную) и на широкий круг ранее не использовавшихся архивных источников, во многом по-новому представляющих как известные, так и забытые события Отечественной войны. В ходе работы выявлялись редчайшие мемуары казачьих офицеров. Все это позволяет Сапожникову делать принципиальные уточнения и устанавливать еще не привлекавшие внимание историков факты. Так, автор вносит существенные дополнения в описание переправы французской армии через Неман (с. 82), боев 15 июля под Витебском (с. 102–104), отступления 2-й Западной армии от Гродно (с. 114–115, 123), боев под Миром 27–28 июня (с. 130–139) и Романово 1 июля (с. 142–143), под Салтановкой 11 июля (с. 153–156), действий ка-